

## КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

НЕФОРМАТ

## Он уехал прочь на ночной электричке

Как перформанс стал хеппенингом. Субъективные заметки о спектакле «Мазэраша»

Юлия Баталина

Начало этой истории хочется пропустить. Совсем не интересно рассказывать о том, как, придя на спектакль к назначенному времени, узнаёшь, что начало перенесли на час; а также о том, что даже после, так сказать, начала зрители ещё минут 40 вынуждены были переминаясь с ноги на ногу в тесном «предбаннике» на входе в цех №5 завода им. Шпагина под монотонно повторяющиеся фразы из динамиков: «Мы ждём заката... Закат в Перми 8 марта в 19:25... Ещё слишком светло...» Звучали и более полезные замечания: «Гардероба здесь нет... Туалет на улице... Воды нет...», а также интригующие: «Вчера один из зрителей лизнул лужу воиной крови: «Надо же! Кровь...»

**Н**а встревоженные вопросы зрителей: «Что? Сегодня тоже будет кровь?» волонтеры, сопровождавшие зрительскую толпу на протяжении всего перформанса, успокоительно ответили, что крови не предвидится — это была случайность. Крови действительно не было, а вот случайности — были.

Наконец, «Мазэраша» — творение режиссёра Виктора Вилисова и продюсера Александра Шумилина — началась.

Название действия, многими воспринятое как неуместно ёрническое, отсылает к России и к женщине, матери. Подобные ассоциации тем более неизбежны, что дело происходило 8 марта. Действительно: перформанс много говорит и о женщине, и о Родине. Тема, как говорится, раскрыта. Во всех смыслах.

Вот, к примеру, один из первых фрагментов действия: девушка-перформер с голосом и интонациями прораба на ремонте железнодорожных путей выкрикивает правила поведения на заводе, то и дело «строит» зрителей: «Стоять на месте! Не отходить, я тебе сказала!» Почувствовав на себе суровую любовь Родины-матери в образе российской труженицы, зрители — человек 70 — с готовностью окунулись в прекрасное.

Действительно, время от времени было красиво. В роскошном пространстве пустого цеха с его ажурными потолочными перекрытиями на фоне высокого, почти церковного фасада с огромными окнами то и дело возникали в тумане и синеватой подсветке фигуры перформеров — то одетых в причудливые костюмы-скафандры, то вовсе раздетых. Телесного было много. Например, красиво выйдя к зрителям, исполнители раздевались и, оставшись в одном белье, застывали в провокативных позах — то юноша с юношей, то юноша с двумя девушками, то ещё какое-то причудливое сочетание полов; или девушка, со всех сторон обложенная мужчинами, истошно, прямо-таки надрывно кричит: «Простимулируйте меня!» При этом сказать, что перформанс какой-то «озабоченный», нельзя: всего в меру.

Вот чего действительно лишкова — так это текстов; на них построено несколько довольно длинных эпизодов. Так, человек 20 перформеров читают по очереди дневниковые записи некоего пациента психиатрической больницы. На экранах по обе стороны от «сцены» — видеоизображение андеграундного шоумена Пахома; справа от зрителя ходит очередная крикливая баба — ещё одна «мать-Россия»? — с воплями: «А ты знаешь, какая у меня зарплата?! А ты знаешь, как я за неё надрываюсь?!», а слева молодой человек медленно проходит вдоль цеха, постукивая деревянной шваброй. Сами «записки из психушки» весьма любопытны, их автор — человек наблюдательный и умеющий пользоваться словом. Кто этот автор, понять невозможно: программ-то нет; но в публике высказывалось предположение, что написал текст тот самый Пахом — он, по слухам, бывал в подобном заведении. Другие зрители предположили, что текст написал автор «Мазэраша» Виктор Вилисов: он — опять-таки, по слухам, — в «психушке» «косил» от армии. Так или иначе, хотелось бы этот любопытный текст послушать в более комфортной обстановке: на протяжении всего этого фрагмента перформеры сидят, а зрители-то стоят!

Предположение, что тексты принадлежат перу Виктора Вилисова, имеет под собой все основания, ибо «Мазэраша» — это очень во многом о нём. Может, о нём даже больше, чем о Родине-матери. Вот, скажем, фрагмент под названием ASMR (это такой формат видеоблога, где блогер очень тихо шепчет или издаёт другие тихие звуки, например, шуршит фантиками), авторы — Любовь Иванова и Борис Хохлов: зритель садится на стул, к левому уху прикладывает, как наушник, красивую морскую раковину, а в его правое ухо наклонившийся перформер шепчет что-то вроде: «Постдраматизм... Деконструкция... Ян Фабр... Юхананов... Лепаж... Кастеллуччи... Вилисов...» Вот так, практически через запятую.

Кстати, о фрагментах. В анонсах «Мазэраша» в соцсетях часто появлялась информация, что шоу построено по горизонтальному принципу и каждый

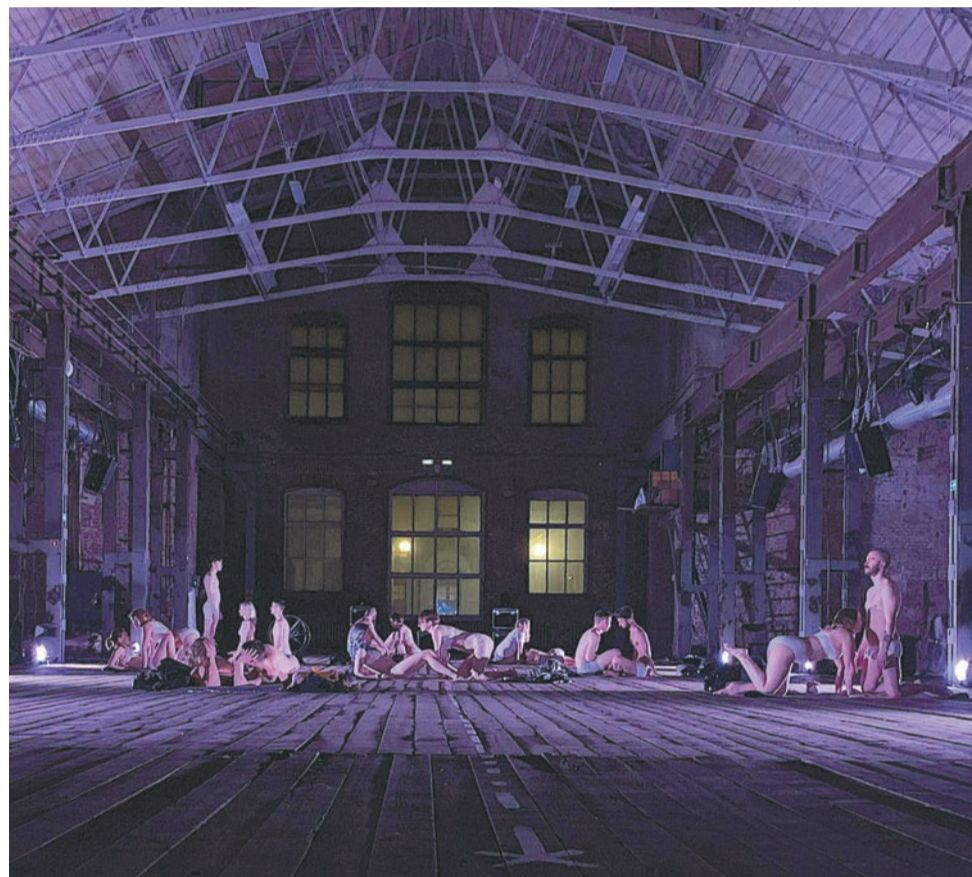


ФОТО АЛЕКСЕЙ КАРАКУЛОВ

зритель, прогуливаясь между площадками, соберёт, как конструктор, свой собственный спектакль. Это не совсем так. Лишь на протяжении короткого времени площадки работали одновременно, причём каждый зритель успевал обойти их все и посмотреть практически все перформансы. В остальное же время все смотрели одно и то же.

Основное действие располагалось в центральном пролёте цеха, прямо напротив высокого фасада с панорамными окнами, выходящего в сторону вокзала Пермь I. За этими окнами виднелись тёплые, уютные фонари перрона, так контрастирующие с холодной синей подсветкой перформансов; когда же мимо проезжала электричка, она приковывала к себе всеобщее внимание — такая привычная, всамделишная, правдивая. Движущийся и светящийся пейзаж за окном был похож на какую-нибудь красивую инсталляцию Александра Бродского.

Так реальная действительность проникла в ткань перформанса и изменила её вопреки авторскому замыслу. Окончательно перформанс превратился в хеппенинг, когда парочка зрителей, находящихся, как говорится, «под вещами», устроила дебош прямо среди представления. Парни приставали к перформерам, валились на пол и громко выкрикивали нецензурную брань. Почему-то их не удалось быстро вывести, хотя дюжие охранники оттащили их подальше в уголок, где дебоширы продолжали орать, причём частично — в микрофон, так как Вилисов не очень ловко пытался как-то интегрировать эту «интервенцию» (по сути — просто пьяную выходку) в структуру «Мазэраша».

Случайные и привходящие обстоятельства изрядно повлияли на восприятие действия зрителями. Многие отзывы в соцсетях были то об электричках, то о скандале.

Тем не менее, вопреки запрограммированной фрагментарности, а также всем накладкам и случайностям, «Мазэраша» выстроилась в некое эстетически единое целое, и в первую очередь благодаря музыке Леонида Именных — очень изобретательной, богатой и разнообразной. То захлёбываясь жёстким индустриалом, то выжимая слезу нежным женским вокалом, музыка всегда уместно и деликатно сопровождала действие, украшая его. Когда я с сожалением покидала завод им. Шпагина, перформеры пели хором вокруг обнажённой девушки, и этот ритмичный, вовсе не крикливый и очень напряжённый хор достигал накала, достойного «O, Fortuna!»

Да, из заявленных шести часов перформанса я высмотрела всего три, но вовсе не потому, что мне было скучно или как-то неприятно. Будучи человеком любопытным, я и дальше смотрела бы с интересом, но очень устала физически. Всё-таки три часа на ногах — это сурово.

Может быть, в оставшиеся три часа произошло что-то из ряда вон? Не думаю. «Мазэраша», вопреки всем страстным спорам о ней в пермских соцсетях, оказалась далеко не самым острым и не самым изобретательным перформансом из тех, что довелось видеть даже в Перми. Что ж! Александр Шумилин и его команда «HeMXAT» — ребята, что называется, ищущие. Они очень хотят найти свой театр и решительно движутся к этой находке.